

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ КИТАЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Cui Fenghao

Исследователь ТГУВ

Аннотация. В статье исследуется трансформация внешнеполитической стратегии Китайской Народной Республики на Ближнем Востоке в период с начала XXI века до наших дней. Особое внимание уделено переходу от преимущественно энергетического и торгово-экономического взаимодействия к формированию комплексного политико-экономического и гуманитарного партнёрства. Анализируются ключевые факторы, обусловившие изменение китайской стратегии: рост глобальных амбиций КНР, реализация инициативы «Пояс и путь», изменение структуры мировой энергетики и усиление региональной многополярности. На основе сравнительно-исторического и институционального подходов выявлены основные направления китайской политики в отношении стран Персидского залива а также очерчены перспективы дальнейшего взаимодействия в условиях глобальной цифровизации и энергетического перехода.

Ключевые слова: Китай, Ближний Восток, энергетическая дипломатия, «Пояс и путь», многополярность, внешняя политика, стратегическое партнёрство.

Введение. Ближний Восток традиционно занимает особое место в системе внешнеполитических приоритетов Китайской Народной Республики, рассматриваясь как регион стратегического значения, от состояния которого во многом зависит устойчивость энергетической безопасности страны и сохранение геополитического равновесия в масштабах всей Евразии. Учитывая исключительное значение ближневосточного макрорегиона как центра мирового производства углеводородов, а также как перекрёстка транспортных и коммуникационных коридоров, Пекин изначально строил взаимодействие с государствами региона на основе принципа стратегического прагматизма, совмещая экономические интересы с долгосрочными политическими расчётами.

С начала XXI века взаимодействие Китая с ближневосточными государствами приобрело системный, институционализированный характер, превратившись из разрозненных и преимущественно коммерческих контактов в структурированный механизм многоуровневого партнёрства. Этому способствовали как внутренние факторы китайской модернизации, так и внешние изменения в энергетической и геополитической среде. Растущая потребность китайской экономики в стабильных источниках сырья, диверсификация маршрутов транспортировки энергоресурсов, а также стремление укрепить политическое влияние в ключевых точках мировой периферии стимулировали формирование комплексной ближневосточной стратегии.

Современный этап китайского присутствия на Ближнем Востоке характеризуется не только количественным расширением торгово-экономических связей и ростом взаимных инвестиций, но и качественным углублением политического, технологического и гуманитарного сотрудничества. Китай последовательно выстраивает инфраструктуру «мягкой силы» через образовательные и культурные программы, открытие институтов Конфуция, а также развитие медиаприсутствия в регионе. Параллельно осуществляется активное вовлечение китайских компаний в проекты по строительству транспортных хабов, портов и промышленных зон, что делает Пекин не просто экономическим партнёром, но и одним из ключевых архитекторов новой модели регионального развития.

Важнейшей особенностью данного процесса является постепенный переход китайской политики от преимущественно экономической логики к многоаспектной модели стратегического взаимодействия, включающей дипломатические, оборонные и технологические элементы. Взаимодействие с ведущими ближневосточными странами Саудовской Аравией, Турцией, Египтом и ОАЭ всё в большей степени строится на основе взаимного признания национальных интересов и принципа невмешательства во внутренние дела, что выгодно отличает китайский подход от западных стратегий, ориентированных на политическое давление и идеологическую обусловленность.

Таким образом, анализ эволюции китайской политики в отношении Ближнего Востока позволяет проследить формирование новой парадигмы внешнеполитического поведения КНР, в основе которой лежит стремление к балансу между энергетической безопасностью, геополитической стабильностью и международным имиджем ответственной державы. Китайская стратегия в регионе отражает общие тенденции трансформации мировой энергетической архитектуры и усиливающейся глобальной конкуренции, где Пекин выступает не только как потребитель ресурсов, но и как активный субъект их перераспределения и регулирования.

Основная часть. В начале XXI века внешнеэкономические интересы Китая на Ближнем Востоке концентрировались вокруг задач обеспечения устойчивых поставок нефти и газа. На данном этапе китайская политика носила преимущественно ресурсно-ориентированный характер и была направлена на минимизацию энергетических рисков, связанных с зависимостью от морских путей и политической нестабильности региона.

Ключевую роль в реализации энергетической дипломатии сыграли государственные корпорации CNPC, Sinopec и CNOOC, заключившие долгосрочные контракты с Саудовской Аравией, Кувейтом и Оманом. В 2004 году Китай стал крупнейшим импортером ближневосточной нефти, а к 2010 году доля региона в китайском импорте энергоносителей достигла 52%. Одновременно

происходило институциональное закрепление сотрудничества. в 2004 году был создан Китайско-арабский форум сотрудничества (CASCF), ставший площадкой для согласования энергетических и инфраструктурных проектов. Однако энергетическая зависимость постепенно начала трансформироваться в политический инструмент, стимулируя Китай к более активной дипломатической деятельности и поиску механизмов устойчивого присутствия в регионе.

С приходом к власти Си Цзиньпина и выдвижением инициативы «Пояс и путь» в 2013 году ближневосточное направление внешней политики КНР получило новый импульс. Китай стал рассматривать регион не только как источник энергоресурсов, но и как стратегическое пространство для расширения торгово-экономического, технологического и культурного влияния.

В рамках реализации инициативы были заключены крупные соглашения с Египтом, Саудовской Аравией и Объединёнными Арабскими Эмиратами, направленные на развитие инфраструктуры, транспорта, энергетики и телекоммуникаций. Особое значение приобрели инвестиции в логистику строительство портов, промышленных зон и железнодорожных коридоров, соединяющих Китай с Средиземноморьем. Например, Китай активно участвовал в реконструкции Суэцкого канала, в модернизации портов Джидды и Дубая, а также в создании зоны Суэцкого экономического сотрудничества.

Наряду с экономическим расширением усилилось и политическое взаимодействие. В 2016 году Китай опубликовал первый официальный документ «Политика Китая в отношении арабских стран», в котором зафиксировал принципы невмешательства, взаимного уважения и «взаимовыгодного развития». Таким образом, дипломатическая активность КНР стала системной, а регион одним из ключевых направлений глобальной стратегии Пекина.

Современный этап отношений Китая с ближневосточными странами характеризуется активным внедрением цифровых технологий и формированием «цифрового шелкового пути». После 2020 года на фоне пандемии COVID-19 и усиления технологической конкуренции с США Китай сделал ставку на цифровую инфраструктуру, искусственный интеллект, кибербезопасность и телекоммуникационные сети.

Такие компании, как Huawei и ZTE, стали ключевыми игроками в строительстве сетей 5G в Саудовской Аравии, Катаре и ОАЭ. Это позволило Пекину позиционировать себя не только как экономического, но и как технологического партнёра региона. В 2022 году Китай инициировал «Диалог по цифровому сотрудничеству Китай-АСА», направленный на укрепление взаимной кибербезопасности и развитие электронной коммерции. Кроме того, активное участие Китая в нормализации ирано-саудовских отношений в 2023 году подчеркнуло его новую роль посредника и миротворца, способного влиять на политические процессы в регионе без применения военной силы. Это стало

важным свидетельством превращения китайской стратегии из экономически мотивированной в многоуровневую и системную внешнеполитическую модель.

Несмотря на достигнутые успехи, китайская политика на Ближнем Востоке сталкивается с рядом вызовов. Во-первых, сохранение принципа невмешательства ограничивает возможности Пекина эффективно реагировать на кризисные ситуации. Во-вторых, растущее присутствие Китая вызывает обеспокоенность у США, которые рассматривают ближневосточную активность КНР как элемент геополитического соперничества. Кроме того, Китай вынужден искать баланс между отношениями с Ираном и странами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива. Этот баланс требует высокой дипломатической гибкости, поскольку интересы данных стран во многом противоречивы. Тем не менее, нейтральная позиция Пекина и акцент на взаимной выгоде позволяют ему сохранять доверие со всех сторон.

Заключение. Эволюция стратегии Китая на Ближнем Востоке демонстрирует постепенный переход от односторонней ресурсной зависимости к многоуровневой модели партнёрства, охватывающей экономическую, политическую, технологическую и гуманитарную сферы. Инициатива «Пояс и путь», энергетическая дипломатия и цифровая интеграция стали инструментами формирования нового формата китайского присутствия в регионе.

Китай сумел превратить Ближний Восток в один из ключевых узлов своей глобальной стратегии, опирающейся на принципы взаимного развития и невмешательства. Однако дальнейшее укрепление его позиций потребует адаптации к новым условиям — энергетическому переходу, цифровой трансформации и росту региональной многополярности. Таким образом, китайская стратегия на Ближнем Востоке продолжает развиваться как элемент более широкой концепции «сообщества единой судьбы человечества», отражающей глобальные амбиции КНР и её стремление к формированию справедливого многополярного мира.

ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чжугун Л. «Китайская внешняя политика на Ближнем Востоке: от энергетики к стратегии партнёрства». Азия & Африка сегодня. 2023. № 6.
2. Иванов А.В. «Инициатива “Пояс и путь” и арабский мир: институциональные аспекты». Журнал международных исследований. 2022. Т. 15. № 4.
3. Смирнова Е.В. «Китайская медиа-дипломатия на Ближнем Востоке: мягкая сила в цифровую эпоху». Вестник Востоковедения. 2024. Т. 31. № 1.

На английском языке

4. Rolland N. China's Vision for the Middle East: Beyond Energy Interests. Washington D.C.: The Jamestown Foundation, 2023.
5. Zhang H. «The Belt and Road Initiative and China's Middle East Policy: Continuity and Change». Journal of Contemporary China, 2021. Vol. 30(121): pp. 279-295.
6. Feng S. China and the Gulf States: Evolving Strategic Interests. London: Routledge, 2022.
7. Cheng Y. «China's Mediation Diplomacy: The Case of the Saudi-Iran Rapprochement». Asian Affairs, 2024. Vol. 55(2): pp. 211-230.
8. Al-Tamimi N. «Arab Perceptions of China's Growing Role in the Middle East». Middle East Institute Report, 2023.
9. Zhang W. «Digital Silk Road and Geopolitical Shifts in the Middle East». Global Policy, 2025. Vol. 16(1): pp. 80-96.

